

Твои люди, лес!

Первый по призванию

Борису Ивановичу АНИЩЕНКО 20 марта исполнилось 80 лет. Это ветеран лесного хозяйства, чей профессиональный путь разделен на два больших и значимых этапа. Первый — организация системного лесопатологического надзора в лесах Беларуси. Второй — руководство Гомельским ПЛХО в сложнейший период ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и в непростые 1990-е. Корреспондент «БЛГ» встретился с юбиляром и попросил его поделиться воспоминаниями о событиях, которые уже сегодня можно считать легендарной историей лесного дела.

— ...Всё мое детство прошло в деревне Бурлак Буда-Кошелевского района. В школу я ходил в соседнюю деревню Дуравичи за три километра и окончил там семь классов. Семья у нас была большая — шестеро детей. Я самый старший. Наш отец работал водителем, а мама учительницей. Когда родились мы, она стала домохозяйкой.

В лесное дело меня привел дед Афанасий Адамович. Он много лет работал на ручной пилораме и на валке леса. Выезжал на заработки в Пруссию и Карелию. Он рассказывал, как валяли деревья таких размеров, что на пне могли танцевать несколько человек. И он хорошо помнил порядок, который был в буда-кошелевских лесах при помещике Юставе, каким уважением пользовалась его частная лесная стража. Дед меня, собственно, и отправил в Буда-Кошелевский лесной техникум, куда я поступил в 1953 году.

Техникум этот в то время ценился. Направления наши выпускники получали по всей республике и даже за ее пределы. Я окончил его в 1957 году и распределился в Рогачевский лесхоз на должность участкового техника-лесовода Жлобинского лесничества. Сейчас это Хальчанское лесничество Жлобинского лесхоза.

Я на протяжении всей своей трудовой деятельности, как-то так получалось, осваивал одним из первых новые должности, которые вводились в лесном хозяйстве. Первой из них была вот эта — участковый техник-лесовод. Ее ввели, чтобы заменить малограмотных объездчиков, которые были в лесхозах после войны. Как правило, это были местные пожилые люди, бывшие лесники. Я был одним из первых, кто пришел им на замену. Участковых техников на лесничество назначалось двое. Каждый участок у нас был примерно по 5 тыс. га. В подчинении у меня было восемь лесников. Все планы работ, отводы лесосек в рубку главного пользования, рубки ухода, посадки культуру — всем этим приходилось заниматься мне.

— И вас, 17-летнего парня, слушались эти взрослые деревенские мужики?

— Нет вопросов. Благодаря полученным знаниям я пользовался там большим авторитетом. Я знал хорошо всё, что нужно было для нашей работы. А лесники у нас были люди очень совестливые, качественные. Работать было очень трудно. Рабочих рук не хватало. Мужчин после войны было мало. У нас на участке работали двое мужчин и пять женщин. Женщины занимались лесными культурами и мелкими руб-

ками ухода. А мужчины — заготовкой древесины на рубках ухода. Эти наши два работника заготавливали лес ручной пилой. Это очень тяжелая работа. Они же сжигали и порубочные остатки. Всё это было сложно, особенно зимой. А проверяли нас постоянно, и по правильности сжигания остатков, и по высоте пня, которая должна была составлять не более трети от диаметра в месте спила.

Когда начали внедрять бензопилы «Дружба-4», одна бензопила попала к этим рабочим. Я приезжаю к ним на объект для проверки. И вижу картину: бензопила стоит в сторонке, а эти двое по-старому пилят дерево ручной пилой. Я подключил лесничего и с его помощью убедил их освоить эту механизацию.

— Скажите, в те годы каким был лес, который заготавливался?

— Немцы за время войны вырубали вдоль автомобильных и железных дорог весь спелый и приспевающий лес. Учитывая, что был уже 1957 год, вырубки времен войны уже возобновились малоценными породами: осиною, березой и другими. Была поставлена задача заменить их сосной и дубом. Это был адский труд. В малоценных молодняках надо было прорубать коридоры, подготавливать в них почву. А тракторов тогда не было... В то время лесхоз заготавливал древесину только на рубках ухода. На рубках главного пользования работали лес-промызсы.

— Какова была ваша роль при проведении рубок?

— Каждое дерево, предназначавшееся в рубку, клеймили. Делали это участковые техники-лесоводы. Специальное клеймо в виде молоточка было и у меня. На одной стороне клейма была маркировка СП-2, на другой — звездочка. И каждое дерево, предназначенное в рубку, у шейки корня мы зачищали и клеймили. Клеймо после спиливания должно было оставаться видимым. А поскольку спиливание должно было осуществляться на высоте одной трети от диаметра среза, то на рубках ухода эти клейма мы ставили практически у самой земли.

Чтобы они были более заметными, их надо было еще и прокрашивать. Специальной краски тогда не было. Поэтому мы жгли ненужную резину, разводили полученное вещество с керосином и получали состав для прокрашки клейм. При ревизиях наличие клейм проверялось в обязательном порядке.

Как-то меня, молодого специалиста, приехал проверять сам директор

«За многолетнюю плодотворную работу, большой личный вклад в развитие лесного хозяйства присвоить генеральному директору Гомельского производственного лесохозяйственного объединения Анищенко Борису Ивановичу почетное звание «Заслуженный лесовод Республики Беларусь».

Из Указа Президента Республики Беларусь от 27 ноября 1998 г. № 559

Рогачевского лесхоза Иван Николаевич Шевцов. Всё было в порядке.

— Клеймили только деревья, назначенные в рубку?

— Тогда большая проблема была в самовольных порубках. Кроме дров ведь другого топлива не было. Дрова и древесина для строительства распределялись райисполкомами очень строго по нарядам. Составлялись для этого специальные списки в сельсоветах. Даже один кубометр дров, или, как его тогда называли, «складометр», невозможно было никому отпустить без разрешения. Поэтому каждое бревно круглых лесоматериалов я также должен был отметить своим клеймом. Это была неимоверно тяжелая работа. Делалась она, когда бревна уже были погружены на машину или телегу.

— И долго вы так работали?

— Три года. Тогда поступать в вуз можно было только после двух лет практической работы, если ты ранее окончил техникум. Поэтому в 1959 году я поступил в Брянский технологический институт. А через год, учитывая,

что я уже один курс отучился, меня забрели в лесхоз инспектором по охране лесов. Я поработал совсем немного, как в лесном хозяйстве ввели новую должность — инженер по охране и защите леса. Ну и, естественно, меня сразу на нее перевели. Появились новые обязанности. Это было в 1961 году. Как инженер, я уже сам проводил ревизии в лесничествах. Брал 400—500 га участок и челночным методом обходил его, выявляя незаконные вырубки. Чтобы проверить такой участок, мне требовалось два дня.

— Это возможно сделать за два дня?!

— Опыт подсказывал, куда идти и что искать. Если рядом деревья, значит, нужно искать вырубленные березы, осины и ольху. Если это припевающие сосновые, там более тщательно нужно смотреть. Нередки были случаи, когда пни незаконно срубленных деревьев специально маскировали. Не просто обкладывали мхом и валежником, но даже «высаживали» маленькие елочки сверху. Подсказками в таких случаях были следы от машин или телег, обломанные сучья в кронах соседних деревьев... Болота обычно из таких обходов исключались.

— Тогда же в вашей жизни произошло еще одно важное событие...

— Да. Как раз в это время в лесхоз инженером по лесным культурам к нам пришла Тамара Тихоновна Злотникова. В 1960 году она окончила Белорусский лесотехнический институт. Воско-

Поздравляем!

За многолетний плодотворный труд в лесном хозяйстве, значительный вклад в воспроизводство, сохранение и рациональное использование лесных ресурсов, активное участие в общественной жизни лесохозяйственной отрасли, проводимых областных семинарах-совещаниях с молодыми специалистами, участие в республиканских акциях «Неделя леса» и «Чысты лес», тесное сотрудничество с ветеранами отрасли и в связи с 80-летием приказом министра лесного хозяйства Республики Беларусь Виталия ДРОЖЖИ награжден:

Почетной грамотой Министерства лесного хозяйства Республики Беларусь

АНИЩЕНКО Борис Иванович, ветеран отрасли.

ре мы с ней поженились. Пошли дети. Их у меня двое, 1962-го и 1964 годов рождения. К слову, у нас теперь четверо внуков. Стаж нашей семейной жизни солидный — 58 лет! К работе это может и не относится, но к жизни точно...

— А по работе?

— В 1961-м в республике начались нападения вредителей леса. Особен-

но пострадал Рогачевский лесхоз. Это были обыкновенный сосновый пилильщик и сосновый шелкопряд. Пришлось переквалифицироваться на эту проблему. И я с 1961-го по 1965 год борьбой с вредителями занимался больше, чем охраной леса. Это потом сыграло определенную роль в моей дальнейшей жизни.

Сосновый пилильщик и сосновый шелкопряд относятся к хвоегрызущим вредителям. Они так объедают крону, что деревья гибнут. Их надо было своевременно обнаруживать. Поэтому надзор и своевременное реагирование были краеугольным камнем в борьбе с ними. И я в лесхозе наладил эффективную систему. Работники знали, как распознать вредителей и кому сообщать о выявленных очагах. Бороться с теми вредителями с помощью химических средств защиты растений. А биологические средства защиты в ту пору практически не применялись. На основании всей этой работы я подготовил и защитил в Брянске свой дипломный проект «Сосновые вредители и меры борьбы с ними». Это была внушительная работа. В ней было 169 источников и 260 страниц текста. Как в кандидатской диссертации. Настолько я проникся этой темой.

— И к чему это привело?

— В 1965 году организовывался Жлобинский лесхоз. Меня отправили туда на должность главного лесничего. Ни здания, ни машины, ни мотоцикла, ни документации, ни ведомости... Ди-

ректором лесхоза был назначен лесничий Жлобинского лесничества нашего лесхоза Александр Арсеньевич Комаров. И мы с ним с нуля всё это организовали в течение года. Параллельно продолжались и работы по защите леса. Благодаря своевременно проведенным мероприятиям ущерба лесным насаждениям не было. Гибель деревьев была в пределах значений естественной убыли. Этим можно было гордиться. К нам приезжали комиссии, в том числе из Госкомлеса СССР, из Москвы. Этой проблемой заинтересовались ученые. Это ведь был первый такой крупный очаг вредителей леса после войны, порядка 40 тыс. га (в одном Рогачевском лесхозе).

Надо было думать, что с этим делать в будущем. Поэтому тогдашний заместитель министра лесного хозяйства БССР Владимир Сергеевич Романов инициировал открытие в Гомеле Республиканской станции по борьбе с вредителями леса (на ее базе впоследствии было основано УП «Беллесозащита»). А мне в очередной раз поручили заниматься тем, чем до того еще никто не занимался. Меня приказом министра Сергея Тимофеевича Моисеенко назначили директором этой станции.

— Там тоже всё пришлось делать с нуля, как я понимаю?

— Станция базировалась сначала в Кореневке, где сейчас экспериментальная база Института леса. Потом в Гомельском лесхозе. Там директор Николай Никитич Полевиков как раз закончил строительство новой двухэтажной конторы лесхоза. И нас приотили. Работа на станции началась с того, что мне нужно было трудоустроить вышедшую из декрета жену. Поехал на прием к министру, рассказал о своей проблеме. Сергей Тимофеевич был принципиальным человеком. Посмотрел на меня и спрашивает: «Что, семейственность будем разводить?» Пришлось объясняться. Он подумал немного и согласился. Но при этом сказал: «Смотри, если хоть одна жалоба будет, что жена вмешивается в руководство работой станции, уволю обоих».

Мы с ней благополучно работали в одной организации. Кстати, у нее стаж работы в лесной отрасли 34 года. На станции работало всего пять человек, включая директора. У нас была очень сплоченная команда. Яков Илларионович Марченко, Леонид Петрович Малый и Михаил Васильевич Торчик — мои коллеги, ученики и последователи. Мы организовали работу по всей республике.

Когда изучили ситуацию, стало понятно, что системный контроль за вредителями леса отсутствует. Мы выработали Инструкцию по надзору за вредителями леса. Это был первый такой локальный нормативный документ, который стал основой работы белорусских лесоводов. Когда инструкцию утвердили, был проведен крупный республиканский семинар-совещание с приглашением специалистов из других республик СССР. Со временем у нас в каждой области появились пункты лесопатологического надзора. В то время в республике было 90 лесхозов. Мы встряхнули всю эту систему. Составили график и в течение трех лет охватили все хозяйства со специальной обучающей программой, которую сами и разработали. Отклики пошли мгновенно. На одном из таких мероприятий присутствовал будущий министр лесного хозяйства Беларуси Валентин Павлович Зорин, который в ту пору был директором Пуховичского лесхоза. Спустя годы он вспоминал, что мы выполняли на высоком уровне работу, которой никто никогда ранее не занимался в лесхозах.

— Долго вы работали директором станции?

— 18 лет. Надо отметить, что большой вклад в ее создание внес заведующий отделом лесозащиты БелНИИЛХ (Институт леса НАН Республики Беларусь) Леонид Тимофеевич Крушев, ныне покойный. В институте занимались фундаментальной наукой. Еще ранее Борис Владимирович Ривкин изучал возможности для биологической защиты лесов. Он занимался изучением и выявлением естественных врагов наиболее распространенных вредителей леса. Крушев продолжил его исследования, дополнив их микробиологией.

Сотрудники института ездили по всей республике и за ее пределами. Именно они нашли бактерию, ставшую основой известного препарата биологической защиты растений «Гомелин». Меня, кстати, тогда же ввели в ученым совет БелНИИЛХ. Кроме того, в 1976 году я стал также внештатным инструктором Гомельского обкома коммунистической партии. Причина была простая: более 40 процентов территории области уже в то время занимали леса. А в обкоме не было никого, кто бы что-то в них понимал. Поэтому периодически от работы на станции приходилось отвлекаться на выезды по жалобам в адрес лесоводов по линии партийного контроля.

— Исходя из своего опыта, что можете сказать о защите лесов нашей страны?

— Подводя итог этому важному этапу в моей работе, хочу сказать следующее. Деятельность лесопатологов и учреждений лесозащиты нельзя недооценивать. Вспышки болезней леса непредсказуемы и неизбежны. Только на моей памяти были массовые усыхания дубрав из-за снижения уровня грунтовых вод. Затем сосновый пилильщик. Да, самый большой очаг был в Рогачевском лесхозе, но вспышки фиксировались по всей республике. Затем, уже в 1990-е, были массовые усыхания ельников, также из-за снижения уровня грунтовых вод. Тогда, к слову, высохли даже декоративные насаждения ели в населенных пунктах и защитные лесополосы вдоль дорог. Периодическое падение уровня грунтовых вод — это наша главная беда.

С 2016 года по этой причине наблюдается усыхание сосновых насаждений от вершинного кородея и других стволовых вредителей. Во всех этих случаях единственное эффективное средство борьбы — своевременное обнаружение и неотложные меры реагирования, чем и занимаются лесоводы Беларуси.

— Каким же стал следующий этап вашей профессиональной деятельности?

— Очередной значимый этап — работа главным лесничим управления лесного хозяйства Гомельского облисполкома. Я меньше года проработал в этой должности, как случилась

авария на Чернобыльской атомной электростанции. Нас с начальником управления — Константином Михайловичем Петрушей — позвали 3 мая в облисполком на совещание. В нем принимали участие первый секретарь ЦК КПБ Николай Никитович Слюньков, первый секретарь обкома Алексей Степанович Камай и председатель Гомельского облисполкома Александр Адамович Граховский. Они приехали поздно ночью. А мы с обеда сидели в облисполкоме и ждали их. Это было в субботу перед Пасхой...

Они доложили нам обстановку, и было принято решение начать отселение людей из 30-километровой зоны радиоактивного заражения. Никого из нас даже не отпустили по домам, сказали немедленно выдвигаться в назначенные населенные пункты для организации эвакуации. Константин Михайлович Петруша попал в Наровлю, а я в Брагин. Вместе с другими представителями облисполкома организовывали эвакуацию людей и сельскохозяйственных животных из загрязненных районов в более чистые, а женщин и детей — в санатории и пионерские лагеря, даже за пределы республики.

За самоотверженный труд, проявленный при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и ее последствий, Указом Президиума Верховного Совета СССР № 6216-ХІ от 24 декабря 1986 года Борис Иванович Анищенко награжден орденом «Знак Почета».

Дважды в неделю я выезжал на заседания республиканского штаба в Хойники. В это время начались работы в натуре по отчуждению 10- и 30-километровой зоны радиационного загрязнения. Наши лесоводы активно участвовали в этих работах. Но работников не хватало. Об этом тогда не писали в газетах, но это было.

— Как выходили из ситуации?

— Пришлось перераспределять планы поставок древесины. Местные власти требовали ее для решения чернобыльских проблем, а центральные — выполнения планов госпоставок. Было и сочувствие, была и помощь. С нас же в первую очередь требовали любой ценой не допустить распространения лесных пожаров. Они могли вызвать вторичное радиационное заражение огромных площадей. Нашим лесоводам эту задачу выполнить удалось. Этот период продолжался до конца моей работы и продолжается в какой-то степени до сих пор.

— В лесном хозяйстве тогда происходило много разных реформ. Одной из них было создание областных лесохозяйственных учреждений...

— В июле 1988 года наше управление было реформировано в производственное лесохозяйственное объединение и переподчинено Минлесхозу. Я стал первым генеральным директором. Поскольку это была вновь организованная структура, обошлись без модных тогда выборов руководителя. Назначили меня приказом министра лесного хозяйства.

Реформа дала нам больше самостоятельности и возможностей в вопросах финансирования и организации работы лесхозов. Я думаю, это соответствовало требованиям времени, когда многие начали переходить на хозрасчет, а в стране начались серьезные экономические преобразования. Хочу отметить при этом, что если облисполком дал нам определенную свободу, то обком партии контроль нисколько не ослабил. На этом посту я проработал до выхода на пенсию в 1999 году. За это время не было случаев невыполнения планов и показателей развития лесного хозяйства во всех лесхозах области. Дважды избирался депутатом областного совета.

Беседовал Виктор ГАВРЫШ

Фото автора и из архива Бориса АНИЩЕНКО